

Посвящается Сэму

До окончания раннего Нового времени ночной сон у западных европейцев, как правило, делился на две части... по ночам спали в два приема... Начальная фаза сна обычно считается «первым сном»... Следующая фаза получила название «второго», или «утреннего», сна... Продолжительность обеих фаз сна была приблизительно одинаковой, при этом какое-то время после полуночи занимало бодрствование, а затем вновь наступал период отдыха¹.

Роджер Экерч. На исходе дня. История ночи

В окрестных полях и садах нельзя было копнуть землю на фут или два в глубину без того, чтобы не наткнуться на какого-нибудь рослого воина Римской империи, безмолвно спавшего тут вечным сном вот уже полтора тысячелетия. Обыкновенно его находили в меловом слое, в овальном углублении, где он лежал на боку, точно цыпленок в скорлупе, с поджатыми к груди коленями; иной раз при них были остатки копья возле руки, урна у колен, бронзовая фибула или бляха на груди или на лбу, кувшин у горла, бутылка у рта... Они жили так давно, их время было так не похоже на нынешнее, их чаяния и устремления столь разительно отличались от наших, что преодолеть пропасть, пролежавшую между ними и ныне живущими, было бы не под силу даже духу.

Томас Харди. Мэр Кэстербриджа

¹ Перевод А. Сагаловой. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ГЛАВА 1

Укромная долина

На излете дня во вторник, девятого апреля лета 1468-го от Воскресения Господня, можно было наблюдать одинокого путника, ехавшего верхом по заросшей вереском пустоши в древней области на юго-западе Англии, со времен саксов известной под названием Уэссекс. На лице молодого человека отражалась озабоченность, и у него, без сомнения, имелись все основания для этого. За последний час с лишним ему не подалось ни одной живой души. До наступления сумерек оставалось всего ничего, а если бы его поймали на улице после наступления комендантского часа, он рисковал бы провести ночь в тюрьме.

Он перестал спрашивать дорогу в небольшом городке Эксфорд, где на рыночной площади, перед трактиром с намалеванным на вывеске лебедем, выпивала группка ражих парней. Они посмеялись между собой над странным выговором путника, передразнивая его манеру отчетливо произносить слова, потом заверили его: чтобы добраться до места назначения, ему надо все время ехать на закат, и только. Однако он уже начал подозревать, что в очередной раз стал жертвой местных шутников. Стоило ему оставить позади

стены городской тюрьмы, где покачивались на веревках трое уже начавших разлагаться висельников, перебраться через реку и выехать в чистое поле, как небо на западе обложили тяжелые свинцовые облака, заслонившие закатное солнце. Позади него давным-давно скрылся за горизонтом высокий шпиль эксфордской церкви. Впереди, петляя между девственными лесистыми холмами и ныряя в лощины, поросшие вереском, среди которого там и сям желтели кусты дрока, уходила вдаль дорога.

Через некоторое время вокруг стало очень тихо, что в этих краях нередко предвещает перемену погоды. Все птицы умолкли, даже огромные красные коршуны с до смешного пронзительными голосами, которые преследовали его на протяжении многих миль. Над торфяниками ползли зловещие клочья сырого сизого тумана, обвивая путника холодными щупальцами, и впервые с того дня, когда он спозаранку пустился в путь, его охватило желание помолиться вслух о заступничестве своему святому, который перенес на закорках через реку младенца Христа.

Вскоре дорога пошла вверх по лесистому склону. Чем выше она поднималась, тем хуже становилась, пока не превратилась в две выбитые тележными колесами колеи в комковатой бурой земле, местами присыпанной булыжниками, обломками мягкого аспидно-серого сланца и желтым гравием, между которыми бежали ручейки дождевой воды. В воздухе был разлит аромат диких трав, росших по обеим сторонам дороги — медуницы, Melissa, чеснока, — а раскидистые ветви деревьев нависали так низко, что ему приходилось пригибаться и отводить их рукой, от-

чего с листьев обрушивались потоки свежей холодной воды, лившиеся за шиворот и затекавшие в рукава. В сумерках сверкнул изумрудный сполох, послышался крик, и сердце едва не выскочило у него из груди, хотя он почти сразу же сообразил, что это всего лишь обычный длиннохвостый попугай, и с облегчением прикрыл глаза.

Когда он вновь открыл их, впереди маячило что-то коричневатое. Поначалу он принял этот предмет за поваленное ветром дерево. Он утер лицо рукавом и подался вперед в седле, напрягая зрение. Какой-то человек в дерюжном балахоне с капюшоном, похожим на монашеский, толкал перед собой ручную тележку. Путник наподдал коленями по бокам кобылы, понуждая ее прибавить шаг.

— Благослови вас Господь! — крикнул он странному видению. — Я чужеземец.

Человек устремился вперед еще решительнее, делая вид, что ничего не слышит, и ему пришлось повторить свои слова. На этот раз он объехал незнакомца и остановился прямо перед ним, перегородив узкую тропку. Оказалось, что тележка нагружена тюками с шерстью. Он развязал шнурки, стягивавшие дорожный плащ на шее.

— Я не причиню вам зла. Меня зовут Кристофер Фэйрфакс. — Он оттянул вниз промокшую ткань и задрал бороду, демонстрируя полоску белой материи вокруг шеи. — Я человек Божий.

Сквозь пелену дождя на него глядел, подозрительно щурясь, мужчина, чье худое лицо было залито водой. Наконец капюшон медленно и неохотно опустился, из-под него показалась лысая, как коленка,

голова. С блестящей макушки, отмеченной кроваво-красным родимым пятном в форме полумесяца, стекла вода.

— Это дорога на Эддикотт-Сент-Джордж?

Незнакомец почесал родинку, прикрыл глаза, будто изо всех сил напрягал память, потом произнес:

— На Эдкат, что ль?

Фэйрфакс, на котором не осталось ни единой сухой нитки, уже теряя терпение, ответил:

— Ну на Эдкат так на Эдкат.

— Нет. С полмили эдак назад была же развилка. Надо было вам оттудова по другой дороге ехать. — Незнакомец окинул его взглядом. На его лице промелькнуло понимающее выражение — такая неторопливая крестьянская хитреца, словно он оценивал скотину на ярмарке. — Что-то больно вы молоды для этой работенки.

— А по мне так в самый раз! — Фэйрфакс выдавил из себя улыбку и поклонился. — Ступайте с миром.

Он потянул за уздечку и, развернув свою дряхлую серую кобылку, осторожно двинулся обратно по раскисшей тропке, пока не увидел то самое место, где дорога разветвлялась. Заметить развилку, если не знать заранее о том, что ее надо высматривать, было почти невозможно. Значит, негодяи из Эксфорда и в самом деле пытались сделать так, чтобы он заплутал, — шутка, сыграть которую они вряд ли решились бы, если бы знали, что он священник. Надо сообщить местным шерифам. Да, на обратном пути именно так он и поступит. Пускай эти неотесанные деревенские чурбаны ответят за свою выходку по всей строгости зако-

на: тюрьма, штраф, день у позорного столба в качестве мишени для камней и навозных лепешек...

Склон, по которому шла вторая тропа, был еще круче. Высившиеся по обеим ее сторонам вековые деревья клонились друг к другу, точно совещались о чем-то всего в паре ярдов над его головой. Сквозь сплетенные ветви не проникал свет, и внутри этого сырого туннеля казалось, что уже наступила ночь. Лошадь заупрячилась и отказалась везти его дальше. Фэйрфакс обнял ее за шею и прошептал ей на ухо:

— Ну же, Мэй!

Но это была норовистая скотина, упрямая от старости, больше мул, чем лошадь, так что ему в конце концов пришлось спешиться и повести ее в поводу.

Очутившись на земле, он почувствовал себя еще более уязвимым. В поясной суме лежало двадцать фунтов на расходы, которые накануне вечером отсчитал ему звонкой монетой отец настоятель, — а немало путников расставались с жизнью и за вполтину меньшую сумму. Оскальзываясь на раскисшей грязи, Фэйрфакс в очередной раз дернул поводья. Да уж, шутка вышла что надо, с горечью подумал он. Может, епископ редко улыбался, но отказать ему в своеобразном чувстве юмора было никак нельзя. Отправить человека за тридцать миль, на другой конец епархии, с поручением такого рода, да еще и верхом на этой кляче...

Он представил своих собратьев, собравшихся, по обыкновению, на раннюю вечерю: вот они расселись по длинным скамьям в доме капитула перед огромным камином, вот епископ склонил седеющую вытя-

нутую голову в молитве — лицо его, озаренное отблесками огня, цветом по-прежнему напоминает устрицу, маленькие темные глазки искрятся ехидством. «И наконец, мы молимся за нашего брата во Христе, Кристофера Фэйрфакса, который сегодня служит нашей святой матери Церкви... *в чуждедальнем краю!*»

Где-то неподалеку, казалось, заливался звонким смехом бессовестный ручей.

Но вот, когда он начал было отчаиваться, в конце заросшей тропы забрезжило бледное сияние. Через несколько минут, прошедших в вялой борьбе с лошадью, он выбрался на дневной свет, уже начинавший гаснуть, и обнаружил, что находится на вершине холма. Справа от него склон круто уходил вниз. На крохотных полях, обнесенных со всех сторон низенькими каменными оградками, паслись коровы, овцы и козы. Покосившиеся деревянные сараюшки вылиняли после зимних бурь, приобретя унылый серо-бурый оттенок. Далеко внизу, в долине, примерно в миле от него, текла река, через которую был переброшен мост. Возле нее притулилась небольшая деревушка: соломенные, в большинстве своем, крыши, окружавшие церковный шпиль. В темно-серое небо там и сям поднимались белесоватые дымки. Ветер гнал над холмами низкие облака, напоминавшие штормовые волны на море. Дождь перестал. Фэйрфаксу показалось, что на него пахнуло печным духом. Там, внизу, были свет, тепло, общество, еда. Он немедленно представил себе все это воочию. Вечерний воздух после дождя был влажным и свежим, и Фэйрфакс воспрял духом. Даже Мэй смилостивилась настолько, что позволила ему вскочить обратно в седло.

Когда они добрались до центра деревушки, уже почти стемнело. Копыта Мэй процокали по горбтому каменному мосту на другой берег реки, потом зашлепали по узкой улочке, усеянной грязными лужами. С высоты лошадиного крупа открывался отличный обзор на беленые хижины по обе стороны улицы. Перед некоторыми были разбиты небольшие палисадники, обнесенные белыми деревянными заборчиками. Большинство же домов выходило прямо на дорогу. В двух-трех окнах горели свечи, а в одном бледной луной промелькнуло чье-то лицо, тут же скрывшееся за занавеской. Перед кладбищенскими воротами он остановился и поглядел по сторонам. Вымощенная булыжником дорожка вела через погост к крыльцу церкви, которая, должно быть, стояла на этой земле тысячу лет, если не все полторы. На флагштоке, венчавшем шпиль, понуро висел спущенный до середины вымокший флаг Англии, белое полотнище с крестом святого Георгия.

В дальнем конце двора за стеной виднелось обшарпанное двухэтажное строение с соломенной крышей. Приглядевшись внимательней, Фэйрфакс увидел, что на пороге с фонарем в руке стоит, наблюдая за ним, женщина — худая, высокая, одетая в черное. Некоторое время они молча смотрели друг на друга поверх замшелых надгробных камней. Потом женщина слегка подняла фонарь и качнула им. Он вскинул руку, пришпорил кобылу и двинулся на свет фонаря вдоль кладбищенской стены.

ГЛАВА 2

Отец Фэйрфакс знакомится с отцом Томасом Лэйси

Женщина без промедления отвела его на второй этаж к отцу Лэйси. Бросив в передней сумку, сняв мокрый плащ и стащив заляпанные грязью башмаки, Фэйрфакс тут же поспешил вслед за ней наверх, по узкой деревянной лестнице, переступая негнуцимыми от долгого сидения в седле ногами.

Обернувшись через плечо, женщина на ходу сообщила ему, что она миссис Агнес Бадд, экономка, и что она высматривала его весь день. Несмотря на почтительный тон, Фэйрфакс уловил в ее словах укоризненную нотку.

Перед дверью ему пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой о низкую притолоку. В спальне было холодно и пахло хлорной известью. За распахнутым настежь окном синели сумерки; на полу, под решетчатыми створками, собралась лужа дождевой воды. К комоду была прислонена черная крышка гроба. Сам гроб стоял на постели. По обеим сторонам массивной деревянной кровати, на тумбочках, горели свечи; рядом с одной из них лежали книга и очки, будто покойник только что закончил читать. Огоньки свечей дрожали на сквозняке.

Фэйрфакс осторожно приблизился к гробу и, вытянув голову, заглянул внутрь. Худой и длинный труп был погружен в опилки и туго запеленат в тонкий белый льняной саван — ни дать ни взять куколка, из которой вот-вот должна появиться бабочка. Лицо прикрывал кружевной белоснежный платок. Он покосился на экономку. Та кивнула. Он аккуратно, двумя пальцами, взял платок за оба верхних угла и приподнял его.

На своем коротком веку он успел повидать немало трупов. В Англии того времени не сталкиваться с ними было невозможно. Они болтались на веревках в железных клетках, как те злосчастные висельники в Эксфорде, на страх преступникам. Они обнаруживались по утрам под дверями домов или на пустырях, особенно в зимнее время, и лежали там до тех пор, пока кто-нибудь, потеряв терпение, не платил мусорщику и тот не оттаскивал тело. Во время последней вспышки сыпняка Фэйрфакс порой соборовал младенцев, едва успев закрыть глаза их родителям. Но такого он еще никогда не видел. Нос покойника был переломан, вокруг глазниц багровели синяки. На лбу зияла глубокая рана. Правое ухо было наполовину отодрано, точно его рвали зубами. Кто-то определенно пытался привести в порядок обезображенное лицо с помощью свинцовых белил, но все же раны явственно отливали зеленцой сквозь пудру. Эффект был неописуемым. В отличие от большинства священнослужителей, отец Лэйси не носил бороды, и его подбородок покрывала лишь седая щетина.

Фэйрфакс склонился над гробом, собираясь почтительно коснуться губами лба покойника, но, уло-

вив тошнотворный запах разложения, поспешно выпрямился. Старому священнику уже давным-давно следовало лежать в могиле.

— Когда он умер?

— Неделю тому назад, преподобный отец. Погода стояла слишком теплая.

— И в котором часу похороны?

— В одиннадцать, сэр.

— Что ж, боюсь, дальше откладывать нельзя. — Он вернул платок на место, отошел в сторону и перекрестился. — Пусть покоится с миром. Господи, прими душу раба твоего. Аминь.

— Аминь, — эхом отозвалась экономка.

— Подойдите-ка, миссис Бадд. Давайте закроем гроб.

Вдвоем они перенесли тяжелую крышку к кровати и водрузили ее поверх ящика. Добротная работа, хотя и без затей, подумал Фэйрфакс: честный английский дуб, покрытый черной краской, единственное украшение — латунные ручки по бокам, закрывается достаточно плотно, чтобы сдержать зловоние. Агнес вытащила из-за пояса тряпку и начисто протерла гроб. Оба некоторое время стояли в задумчивости, потом экономка заметила под окном натекшую лужу. Что-то пробормотав себе под нос, она подошла к подоконнику и вытерла воду, после чего высунулась из окна, насухо выжала тряпку и потянулась к створкам окна, чтобы закрыть их, но Фэйрфакс поспешно проговорил:

— Думаю, лучше оставить его открытым.

На лестничной площадке он вытащил носовой платок и сделал вид, что сморкается. Кошмарный запах продолжал его преследовать даже здесь.

— Бедный отец Лэйси! Эти отметины на его лице...
Как он заработал такие раны?

— Он получил их, когда упал, сэр.

— Впечатляющее, наверное, было падение.

— С высоты в сотню футов, так они сказали.

— «Они»?

— Ну, те, кто его нашел, сэр, капитан Хэнкок, мистер Кифер, здешний причетник, мистер Ганн, кузнец, и все остальные.

— В какое время суток это случилось?

— Он вышел из дому в прошлый вторник после обеда, в крепких башмаках, с садовой лопаткой в руке, и не вернулся. Его стали искать и в среду вечером принесли тело.

— Он много ходил пешком?

— Да, сэр. По большей части пешком и ходил. Верхом ездил редко-редко. От лошади отказался уже несколько лет тому как.

Агнес отвела Фэйрфакса вниз, в гостиную. В камине еле горел слабый огонь, не способный обогреть промозглую комнату. Посередине комнаты стоял стол с одним прибором.

— Подать вам ужин, преподобный отец?

Еще час назад Фэйрфакс умирал с голоду. Теперь же его мучило при одной мысли о еде.

— Спасибо, но мне нужно сперва позаботиться о лошади.

Он пошел обратно по каменной галерее, мысленно прикидывая, как половчее сбежать. Как же назывался тот постоялый двор на подъезде к Эксфорду, в котором он останавливался по пути сюда? А, точно, «Лебедь». Если похороны начнутся в одиннадцать,

он сможет выехать в час и к ужину непременно будет в «Лебеде».

На входной двери висел новенький блестящий замок, тяжелый с виду. Он открыл его и вышел в небольшой садик. В свежем, хрустальном после дождя воздухе терпко пахло влажной травой и древесным дымом. Мэй нигде не было. Он оставил ее на привязи у ворот. Неужели в спешке он плохо привязал ее? Фэйрфакс огляделся по сторонам. Во всей деревушке не виднелось ни огонька. От тишины, какая бывает только в деревне, точно ватой заложило уши.

— Не утруждайтесь, преподобный отец, — послышался за спиной у него голос Агнес, и от неожиданности он даже вздрогнул. — Роуз поставит ее в стойло.

— Вы очень добры. Поблагодарите ее от моего имени.

Его охватило смутное раздражение, хотя он и сам не смог бы точно сказать, почему именно. Он подхватил свою сумку и следом за экономкой двинулся обратно в гостиную.

— А теперь, миссис Бадд, — начал он, стараясь говорить деловым тоном, — с вашего позволения, давайте уладим кое-какие вопросы. — Он водрузил сумку на стол, порылся в ней, вытащил ручку в чехле и несколько стопок бумаги. — Начнем с главного... — Он улыбнулся ей, пытаясь слегка разрядить обстановку. — Найдутся ли в этом доме чернила?

— И что же это за вопросы?

Женщина глядела настороженно. Интересно, сколько ей лет, подумал Фэйрфакс. Около пятидесяти, наверное. Землистая кожа, невыразительные черты

лица, уже поседевшие волосы, красные — по всей видимости, от слез — глаза. Горе, конечно, очень старит, подумал он, внезапно испытав жалость. До чего же мы, бедные смертные существа, уязвимы под личиной напускного самообладания.

— Мне поручено, в числе прочего, произнести на похоронах отца Лэйси надгробную речь — задача не легкая даже в том случае, когда ты знал покойного, и еще более трудная, если ты не был с ним знаком. — Он произнес эти слова с таким видом, будто знал, о чем рассуждал, хотя, по правде говоря, ему никогда в жизни не доводилось служить панихиду и сочинять надгробную речь. — Посему мне необходимо узнать кое-какие простые факты. Итак... что там с чернилами? Полагаю, у священника были чернила?

— Да, сэр, чернила у него были, и даже в избытке.

Агнес, явно оскорбленная в лучших чувствах, удалилась — по всей видимости, пошла за чернилами.

Фэйрфакс сел за стол, взялся за край столешницы и обвел комнату взглядом. Над камином висел простой деревянный крест. В свете свечей казалось, что стены окрашены в тусклый буро-рыжий цвет. Они заметно наклонялись внутрь, а потолок в центре провисал. И тем не менее комната производила впечатление глубокой основательности и старины, как будто все здесь законсервировалось столетия назад и с тех пор не менялось. Ему представились поколения священнослужителей: должно быть, те сидели на этом самом месте, — вероятно, не один десяток, — тихо служа Господу в этой глухомани, безвестные, всеми забытые. При мысли о таком самоотверженном служении его охватило ощущение собственного

ничтожества, поэтому, когда вернулась Агнес, он попытался продемонстрировать смирение, собственноручно принеся второй стул и усадив экономку за стол напротив себя; голос его, когда он обратился к ней, звучал необычайно мягко.

— Прошу прощения, но мне нужно это знать: сколько времени отец Лэйси пробыл в здешнем приходе?

— В январе тридцать два года минуло.

— Тридцать два года? Это ж без малого треть века! Целая жизнь! — Фэйрфаксу нечасто доводилось слышать о столь длительном пребывании в должности. Он обмакнул перо в чернильницу и сделал пометку. — А родные у него были?

— Был брат, да умер много лет назад.

— А вы сколько у него прослужили?

— Двадцать лет.

— И ваш муж тоже?

— Нет, сэр, я давно уж вдова, но у меня есть племянница, Роуз.

— Та самая, что позаботилась о моей лошади?

— Она живет тут, в доме, вместе с нами, то есть я хотела сказать, со мной.

— А что будет с вами обеими теперь, когда отца Лэйси не стало?

Он тут же пришел в смятение — глаза женщины наполнились слезами.

— Не могу сказать, сэр. Все случилось так внезапно, я об этом еще не думала. Быть может, новый священник пожелает оставить нас при себе. — Она с надеждой посмотрела на него. — Вы смените отца Лэйси?

— Я?! — Фэйрфакс едва не рассмеялся над нелепой мыслью о том, что он может заживо похоронить себя в этой глуши, но осознал, насколько невежливо это будет выглядеть, и сдержался. — Нет, миссис Бадд. Я самый ничтожный из людей епископа. У меня есть обязанности в соборе. Мне поручено только отслужить панихиду. Но я сообщу о положении дел в епархию. — Он сделал еще одну пометку и откинулся на спинку стула, потом задумчиво сунул в рот конец ручки и устремил на экономку внимательный взгляд. — Разве никто из местных священников не мог провести церемонию?

Этот же самый вопрос он задал епископу Поулу накануне, когда ему поручили эту задачу, — разумеется, куда более дипломатичным языком, поскольку епископ не привык, чтобы его распоряжения оспаривались. Но тот лишь поджал тонкие губы и уткнулся в бумаги, пробормотав, что Лэйси, мол, был человеком своеобразным и не пользовался любовью коллег из соседних приходов. «Я был знаком с ним в молодости. Мы вместе учились в семинарии. Но с тех пор наши пути разошлись». Он в упор взглянул на Фэйрфакса. «Это отличная возможность для вас, Кристофер. Дело несложное, однако требует определенной гибкости. За день, думаю, обернетесь. Я полагаюсь на вас».

Агнес принялась внимательно рассматривать свои руки.

— Отец Лэйси не имел никаких сношений со священниками из окрестных долин.

— Почему?

— У него был свой путь.

Фэйрфакс нахмурился и слегка подался вперед, будто не до конца расслышал ее слова.

— Прошу прощения. Я не вполне вас понимаю. В каком смысле — свой путь? Существует лишь один истинный путь. Все прочее — ересь.

Экономка упорно отказывалась смотреть ему в глаза.

— Тут я вам ничего не скажу, преподобный отец. Я в подобных вещах не сильна.

— А что насчет отношений с прихожанами? Паства его любила?

— О да. — (Пауза.) — По большей части.

— Но не все?

На сей раз она ничего не ответила. Фэйрфакс отложил ручку и потер глаза. Внезапно на него навалилась усталость. За что ему это наказание, пусть даже в обертке епископской милости: ехать восемь часов, чтобы похоронить безвестного клирика — хорошо еще, если не еретика, которого явно недолюбливала добрая часть паствы? Зато никто не расстроится, если надгробная речь окажется не слишком длинной.

— Думаю, — произнес он с сомнением в голосе, — я могу ограничиться общими словами: о достойно прожитой жизни, посвященной служению Господу, ну и так далее. Сколько ему было лет, когда он погиб?

— Немало, сэр, но на здоровье он не жаловался. Пятьдесят шесть годков.

Фэйрфакс прикинул в уме. Если Лэйси прослужил в здешнем приходе тридцать два года, значит приехал сюда в двадцать четыре. Столько сейчас ему самому.

— Получается, Эддикотт был его единственным приходом?

— Да, сэр.

Он попытался представить себя на месте старого священника. Если бы его сослали в такую глушь, он просто-напросто свихнулся бы. Возможно, с годами именно это и произошло. В то время как Поул возвысился до епископского сана, Лэйси бросили гнить тут. Идеалист с пылким сердцем очерствел в одиночестве и превратился в закоренелого мизантропа.

— Третий века! Должно быть, ему тут нравилось.

— О да, очень нравилось. Он ни за что не уехал бы отсюда по собственной воле. — Агнес поднялась. — Вы, должно быть, страх как проголодались, преподобный отец. Я приготовила вам поесть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Укромная долина	9
Глава 2. Отец Фэйрфакс знакомится с отцом Томасом Лэйси	16
Глава 3. Фэйрфакс решает лечь пораньше и делает пугающее открытие	26
Глава 4. Среда, 10 апреля. Непредвиденное происшествие на похоронах	37
Глава 5. Планы Фэйрфакса срываются	55
Глава 6. Рука из прошлого	73
Глава 7. Четверг, 11 апреля. Свинарни	84
Глава 8. Книги выдают секрет	99
Глава 9. Леди Дарстон	115
Глава 10. Коллекция полковника Дарстона	135
Глава 11. Званный ужин	148
Глава 12. Чертовое Кресло	167
Глава 13. Пятница, 12 апреля. Фэйрфакс возвращается в Эксфорд	184
Глава 14. Ересь Древнего мира	199
Глава 15. Капитан Хэнкок узнает секрет	213
Глава 16. Знакомство с доктором Шедуэллом	228
Глава 17. Возвращение к Чертову Креслу	248
Глава 18. Мистер Шедуэлл рассказывает об Апокалипсисе	268

Глава 19. Два сна в Эддикотт-Милл-Хаусе	284
Глава 20. Суббота, 13 апреля. Экспедиция снаряжена ...	300
Глава 21. Секрет дома священника	315
Глава 22. Мистер Куик дает объяснения	327
Глава 23. Раскопки начинаются	341
Глава 24. Капитан Хэнкок узнает правду	360
Глава 25. Воскресенье, 14 апреля. Отец Фэйрфакс и леди Дарстон проводят ночь у Чертова Кресла	373
Глава 26. Погребальная камера	386
Глава 27. Поиск завершается	400